

РОМАН СЕНЧИН

НА НОВОМ МЕСТЕ

РАССКАЗ

Из книги “Зона затопления”

В квартире Алексей Брюханов не курил. По осени, до морозов, выходил на лоджию, жался там на свободном пятачке в окружении коробок и мешков, торопливо вызобывал сигарету, давил окурочек в старой кружке, заменяющей пепельницу. Возвращаясь в комнату, натёкался на недовольные взгляды жены или дочери.

Однажды жена не выдержала:

— Дует, как в трубу прямо. Простынем ведь. И ты простынешь — в рубахе вон...

Алексей не стал спорить, просто, когда снова захотелось курить, отправился с кружкой на площадку.

Постоял, соображая, где бы лучше пристроиться. У двери не надо: что толку, что вышел, — всё обратно в квартиру затаянет. Да и соседские двери рядом. Дальше — мусоропровод, но напротив него — лифт. Тоже неудобно. Вышел на лестницу. Поставил кружку на ступеньку, сел рядом. Достал сигарету, щёлкнул зажигалкой.

Бетонная ступенька покалывала холодом. “Надо бы плашечку подложить. Хм, но её сперва найти надо”.

Присел на корточки, посмотрел в окно. Окно было мутное, видно мало что. Тем более седьмой этаж. Но если даже подняться и подойти к стеклу,

---

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1972 году в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации в Москве — в журнале “Наш современник”. Автор романов “Минус”, “Нубук”, “Ёлтышевы”, “Информация”, сборников рассказов “Иджим”, “День без числа”, “Абсолютное соло” и др. Живёт в Москве.

то и тогда ничего интересного не увидишь: внизу — лента улицы Маяковского, напротив — обшитые сайдингом двухэтажные бараки-деревяшки. За деревяшками пятиэтажные дома...

В деревяшках живут, в основном, семьи тех, кто первым приехал сюда готовить место под электростанцию. В пятиэтажках — семьи специалистов, служащих. А им вот, как их тут прозвали, — утопленникам — отгрохали девятиэтажный дом. И не один... Ясно, что переселенцев в Колпинске не очень-то любили. Им, дескать, лучшее, для них создают или выскивают рабочие места, по их жалобам пытаются принять решения хоть и не в срочном порядке, но в первую очередь. И это за счёт уменьшения внимания к тем, кто родился здесь или живёт десять-двадцать лет. Гниль деревяшек прикрывали, и вроде всё в порядке...

Не раз Брюханов слышал от разного рода начальников, обращённое местным: “У меня переселенцы!” Мол, не до вас сейчас...

Хм, а переселенцам он говорил наоборот: “У меня с местными проблем по горло!” Удобная тактика, конечно...

Брюхановым повезло. Алексей без большого напряжения нашёл работу электромонтёра на Колпинском лесоперерабатывающем комплексе. Жена Елена, которая в деревне не работала лет пять (негде было!), здесь устроилась в строймаркет “Фортуна” кассиром торгового зала.

Дочь перешла в седьмой класс, и с ней оказалось четверо ребят из родной школы в Пылёве. Так что не шибко-то тяжело было втягиваться... Хотя... что значит “не шибко тяжело”, “повезло”...

Искусственный город, возникший из-за ГЭС, на высоком неудобном месте вдалеке от реки, от тайги. Стоит на голом взлобке, открытом всем ветрам. Не чувствуешь здесь защиты гор, деревьев, что была в деревне. Деревни ставили в укромных местах, спокойных, удобных. Подолгу, годами, выбирали, изучали места, где лучше поселиться, а если понимали, что ошиблись, переносили срубы. А как тут? Девятиэтажки не перенесёшь.

Сколько по Сибири понастроено в последние полвека городов, посёлков, и сколько брошено. Стоят теперь в болотах, в тундре облупившиеся многоэтажные дома, ржавеют трубы котельных, скрипят качели на детских площадках, обваливаются памятники, крошится асфальт тротуаров. И такая стоит тишина, какой и в самой глухой тайге не услышишь; а если зазвенит где висящий на последнем гвозде лист жести, то станет ещё тошнее...

А ведь когда-то думали, что селятся там навсегда, обживая дикое место, убеждали себя, что необходимо именно здесь работать для Родины, что в их-то городке будет всё справедливо, по уму и по совести, со смыслом. Не как у других.

Но кончился деловой лес, иссякло золото, не нужен стал асбест, или кобальт, или уголь, ошиблись в богатстве залежей нефти, поменялись планы военных, и городок становился лишним... И прекращал своё существование.

Алексей был уверен, что рано или поздно то же произойдёт и с Колпинском. Сейчас он растёт, бухнет, как огурец в горящем парнике, но вот прогорит нажём, и огурец на холодном воздухе скукожится, зачахнет... Уже идут обсуждения, куда девать все эти тысячи рабочих, занятые на строительстве электростанции. Куда их потом деть, чем занять...

Кто-то будет строить алюминиевый завод неподалёку, кто-то переедет ниже по реке воздвигать новую станцию, новую “гидру”, как здесь говорят. Кто-то вернётся на малую родину, а остальные? То большинство, что пустило здесь корни, у кого здесь родились дети, кто устал мотаться по стране?

Тот лесоперерабатывающий комплекс, куда устроился Алексей, создали два года назад специально для того, чтобы людям, в основном переселенцам, было где работать, и на самом деле он был убыточным, по крайней мере, пока... Сначала, услышав про это, Алексей не поверил, а через какое-то время, когда рабочие стали возмущаться задержкой зарплаты, им объяснили, что они такие и чего стоит их труд.

— Из милости, получается, работаем, — усмехались мужики после собрания. — Пустоту делать поставили, чтоб чем-нибудь занимались.

Это людей, конечно, оскорбило, труд потерял смысл, и многие собрались увольняться. Исккали, куда бы перейти, и не нашли. Город был перегружен населением, почти четверть взрослых сидела на пособиях.

— Советовали в Железногорск ехать — у меня ж техникум! А я, дурак, — “родина, родина”, — жалел теперь Дания Заборцев, молодой женатый парень, уроженец деревеньки Косой Бык. — В Железногорске, говорят, с работой приемлемо.

— Угу, приемлемо, — отвечали ему. — Забастовки там.

— Да это не в нашем Железногорске! В Иркутском. В нашем всё чикипуки: закрытый город, льготы, внимание.

— Вот именно — закрытый. Туда не каждого пустят.

Дания от этого замечания сразу приосанился и ответил:

— Я и есть не каждый. Меня для этого четыре года учили. — Но тут же его плечи снова повисли. — А вот приходится... Жена всего затыркала: денег мало, сама без работы, квартира, как картонка... И соседи всё собачатся.

— А кто соседи? — спросил Брюханов.

— Устряловы. Димка с Маринкой. Из Большакова. Не знаешь?

Брюханов пожал плечами: может, и знал, но не помнил сейчас.

— Ребёнок у них, года три. А сами вот-вот разведутся. Всё к тому...

Да и мы с Анькой на грани... Бляха, детей жалко.

Брюханов сочувствующе качал головой, а сам думал о своей семье.

У них тоже трещина за трещиной. Без криков, скандалов, медленно, но явно разваливается семья. Там, в деревне, случались разные ситуации, переживали сложные периоды, но были одним целым: муж, жена, дочка. А здесь всё сильнее разделяются на трёх отдельных людей. По вечерам и в выходные томятся в этой квартирке, раздражают друг друга, друг другу мешают.

Ещё недавно Алексей жалел, что нет у него сына, сейчас же не то чтобы радовался этому, а с каким-то трусливым чувством представлял, что бы было, если бы у них было двое, трое, четверо детей. И дело не в двух комнатах — их могло бы быть и четыре, но всё равно тесно, неудобно, неудобно. Так бы слонялись из угла в угол или таращились тупо в телевизор. Только не втроём, а вчетвером, впятером.

На родине, в Пылёве, большую часть времени семья проводила на воздухе; даже зимой находились дела во дворе. Ребятишки по полдня играли на промерзшей до дна пабереге — есть не загонишь. Здесь же оказались словно заперты в квартире, и, главное, покидать её не хотелось. На работу, в школу отправлялись через силу; долго собирались, проверяли, не забыли ли чего, всячески оттягивали момент выхода за дверь, вызова лифта... И не то чтобы город пугал, но неприятно, неловко, нехорошо было там. А в квартире тесно, муторно... “Привыкнем, — успокаивал-заклинал себя Брюханов. — Привыкнем”.

Но вот минул почти год, как переехали, а что-то не привыкалось. Наоборот, тоска только росла, всё большее царапала. Самое страшное — всем троим снилось и снилось их Пылёво. А уж сны не закажешь, не выберешь, нежелательные не остановишь. Не переключишь на другое, как канал телевизора... И после таких ночей просыпались бессильные, усталые, будто высосанные...

Дочка после школы скорей возвращалась домой, сидела на диване без дела. Просила купить компьютер, провести интернет.

— Ну, хоть немного освоимся тут и купим, — отвечала жена. — Тебе тахту кушить надо, а то эта кровать — гамак какой-то уже... Надо было ту бабушкину забрать...

— Мне и так удобно.

— Удобно! Стулой станешь, как Настя Бакова, и что делать с тобой?.. Вообще ничего не хватает. — Елена начинала оглядываться. — Чегохватишься — нет. Говорила же, а мне: “Да там купим, дешевле купить, чем везти”.

Алексей понимал, что упрёки относятся к нему, но отмалчивался. Действительно, это он настало не брать с собой лишнего, а теперь как раз этого-то и не хватало. И купить — то денег не хватает, то попросту нет в магазинах. Но, с другой стороны, куда тут всё влезет?.. Зато представлявшееся нужным, важным оказалось на новом месте громоздким хламом.

Кое-как придали квартире жилой вид, но лоджия всё забита — даже в солнечную погоду, если свет не включать, в большой комнате сумрак. И ни сарая, ни чердака... Добивались тут, чтоб в подвал пустили.

— Подвал технический, — ответили в ЖЭКе, — для складирования не предназначен.

И как хочешь, так и распахивай весь эт скарб! Поэтому и бросали, оставляли многое из того, что вроде как бы и не особенно нужно. К тому же, хоть и подсознательно, было желание начать жить в городе с чистого листа. Если уж оказались в городе, то и квартиру обставить по-городскому. Поэтому приходилось покупать то одно, то другое...

— У вас же в школе компьютеры есть, — вспоминал Алексей.

— Не хочу в школе.

— Ну, в деревне в школе сидела, домой не дозовёшься.

— А тут не хочу.

— Что, — старался угадать Алексей, — дразнят тебя, что ли?

Вполне могли дразнить, подшучивать. Во-первых, новенькая, а во-вторых, из другого мира. Вроде тот же район, но разница большая между городом и деревенькой за триста с лишним километров вверх по реке. Даже язык отличается. Алексей не раз, сказав привычное словцо, ловил на себе недоумённо-насмешливые взгляды некоторых колшинцев. Иногда просили объяснить, что значит, к примеру, “каржавеет”, “подкурни”, и он не сразу находил слова, близкие по значению:

— Ну как... каржавеет, это... ну, грязнеет... Не грязнеет, а пылью покрывается... Такой, как коркой... Подкурни?... Это так вот, пригнувшись, пройти... снизу...

В деревне часто нужно было говорить быстро и коротко, чтобы одно слово заменяло собой несколько. Разгружают кузов леса, и нужно предупредить кого-нибудь, что сейчас его может задеть стволом, вот и кричишь: “Подкурни!” И тот, стоя спиной, нагибается, делает шаг в сторону. Крикнешь: “Пригнись!” — пригнётся, но не отшагнет, и вполне может прилететь по затылку... Или висит бельё во дворе, а соседи за забором что-то трясут — пыль столбом. А может, вихрь налетел. Вбегаешь в избу и говоришь жене: “Постирушки снимай — закаржавеют!” И жене всё становится понятно.

И вот, допустим, сказала дочь незнакомое остальным ребятам слово, и её начали поддразнивать, подшучивать, кличку какую-нибудь прилепили. “Каржава”, “Подкурка”, “Шляча”...

— Да никто не дразнит, — отводила глаза дочка. — Не хочу просто. Неинтересно там.

— Не пускают, что ли, к компьютеру?

— Пускают. — Щеки её стали краснеть, и Алексей не мог понять, то ли она не признаётся и досадует, что отец догадался, то ли сердится, что он подозревает её в слабости, в том, что позволяет над собой смеяться, не давая посидеть за компьютером в неведомом ему, Алексею, интернете.

— Пускают, — выдавила. — Просто — не хочу там. И всё.

— А ребята как? — Он перечислил земляков. — Учатся? Нормально?

— Так... — Но дочка тут же спохватилась, поправилась. — Да нормально вообще-то.

У неё у самой-то оценки были неплохие, у учителей — никаких замечаний. Правда, единственное: “Немного замкнутая, но, наверное, адаптируется, привыкнет”.

“Привыкнет, — слушая вернувшуюся с родительского собрания жену, повторял про себя, как спасение, Алексей. — Привыкнет... привыкнем. Куда деваться?”

Успокаивал себя мыслью, что дочка необщительная такая из-за возраста. Тринадцать лет, переходный возраст... Да и раньше, в деревне, они по душам разговаривали нечасто — как-то само собой шло и шло. У каждого были свои обязанности, не исполнить которые было нельзя, ибо каждый, даже семилетний ребёнок, понимал: жизнь будет хуже, стол беднее. И главное — каждый друг без друга не мог, поэтому даже если ругались, то коротко — ведь нужно было продолжать общее дело. Хоть и занимались каждый

своим, но всё-таки дело было общее. А здесь можно было и не замечать друг друга. Еда хоть какая-то в холодильнике найдётся, батареи тёплые, вода в кранах...

Вот так медленно, постепенно Брюхановы становились чужими. Даже ели вместе нечасто: у каждого свой распорядок жизни.

Алексей тяготился тем, что дочка не отвечает на его вопросы искренне, всё дуется чего-то, глаза отводит. Не в одном же компьютере дело... Но однажды она спросила его, и Алексей, услышав вопрос, так же, как и она недавно, отвёл глаза, не зная, что и как ответить. И почувствовал, как скулы запекло прилившей кровью.

Сидели в большой комнате вдвоём, жена была то ли в ванной, то ли на кухне, тихо бубнил телевизор, на экране мелькали картинки. И дочка спросила:

— А почему вы не стали сопротивляться, когда сказали, что нужно уезжать?

Потом, вспоминая этот дочкин вопрос, Алексей удивлялся, что сразу, мгновенно, понял его смысл. Да и дочка не сформулировала понятнее, значит, была уверена, что отец поймёт и так.

А ведь раньше, ещё в Пылёве, они ни разу не заговаривали об этом. Сосредоточенно собирали вещи, заботились о том, где бы достать побольше коробок, ящиков (у продавщиц на несколько месяцев была очередь за пустой тарой расписана), мешков. Потом съездили все втроём в город, осмотрели эту квартиру на седьмом этаже. Порадовались, что вроде бы никакого брака, и комнаты просторные, лоджия застеклённая, кухня удобная, унитаз работает... Дочка сразу стала представлять, где в своей комнате что поставит; была воодушевлена даже...

Потом — переезд, затем — угрюмость. А теперь — такой вот вопрос...

— И как ты представляешь себе это сопротивление? — спросил Алексей, понимая, что отвечать вопросом на вопрос неправильно. — Закрыться в избе и не пускать?

— Ну, не знаю. Подписи же, бывает, собирают, протестуют... Вон в Москве постоянно митинги.

— В Москве — да. В Москве Кремль... А нас тут — кто заметит?.. Ездил делегация в Красноярск, даже на заседание законодателей пробрались. Их выслушали и выставили... И ничего. — Но дочка спросила о другом — не о проблемах с переселением, а о самом переселении. — Почему стали переселяться?.. — Нужно было ответить, даже уже не столько дочке, сколько самому себе. — Если бы электростанцию лет десять назад строить начали, народ бы поднялся, скорее всего. А так — я вот, как себя помню, с самого моего детства, то и дело говорили, что вот-вот придётся нам уезжать. И тогда многие уехали, многие хотели уехать... В город верили тогда, и города были другими... Центры культурной жизни, прогресса... Да и, — вздохнул Алексей, — не поспоришь в советское время. Как это спорить — ведь всё для страны, всё для народа. Кто спорит — значит, враг... Но дело тянулось: то строили, то бросали, то насильно переселяли, то говорили “живите”, то один уровень водохранилища закладывали, то другой. Новый Кутай начали ставить, Новое Большаково, потом оказывалось, что и их затопит... Из людей за эти тридцать лет всю душу вытянули. И добились-таки, что мы сюда, как на крыльях, прилетели. Людям нужна определённая хоть какая-то.

И замолчал, понимая, что ответил не очень-то складно. И тут она задала новый вопрос:

— А правда, что ГЭС одному человеку принадлежит?

— Какому одному?

— Ну, этому, олигарху... Как его?..

— Баняку-то?

— Ну да!

— Нет, не совсем. Там у них и государственная часть, и... частная... Баняк по алюминию у нас... ну, в стране, главный, и как раз завод строят сейчас... Вообще, где частное, а где страны — не разберёшься. Как специально запутали, чтоб концов не найти.

“Не надо девчонке мозги засорять”, — остановил он себя, а вернее, и сам не знал толком, что говорить, как объяснить ей то, в чём и сам не разобрался, да и вряд ли разберётся...

Да что он, электромонтёр Алексей Брюханов, когда и премьер с вице-премьером разобраться не могут! С полгода назад показали в “Новостях” их разговор.

— Компания, которая управляет строительством ГЭС, оказывается, зарегистрирована на Кипре, — словно по секрету, но на камеры докладывал вице-премьер. — Она активно использует, скажем так, вексельные схемы в своей деятельности.

— И что вы предлагаете? — хмурясь, спросил премьер.

— Необходимо решить вопрос о перерегистрации в Российской Федерации.

— Решайте. Но нужно и наказать тех, кто способствовал выведению стратегического объекта со всеми юридическими правами за рубеж.

Вице-премьер быстро и мелко закивал:

— Мы готовим документы для передачи их в правоохранительные органы.

После этого известия люди в Колпинске слегка воодушевились, стали руки потирать: “Счас полетят воровские головушки”. Особенно сильно ждали, что разберутся с миллионером, алюминиевым королём Олегом Игоревичем Баянком. Не раз этого Баянка президент с премьером, не говоря уж про журналистов, ловили на очень сомнительных, явно противозаконных делах. Но всё ему сходило с рук: выслушает, потупившись, как нашкодивший школьник, нотацию от руководителей государства и — дальше... Теперь, говорят, почти постоянно живёт в Лондоне, оттуда управляет разбросанными по России комбинатами, заводами — империей Олега Баянка, — на родине лишний раз не появляется.

— Да кто его посадит, — не дождавшись скорой расправы, стали усмехаться одни. — Он же родственник Ельцина, *член семьи*...

— И что? — не соглашались другие. — Время переменялось... Да вот Путин как его тогда при всех: “Подойдите сюда и подпишите, чтобы людям оставили работу, платили деньги. И ручку верните”.

— А-а, цирк. Показуха.

— Не, мужики, сейчас Путин снова президентом станет и разгонит всю эту шуштуру! Крепко они в страну впились. Как клещи — с головой.

— Ну да. Тем более — не знает он всех подробностей. Как тут с нами, например...

— Хе-хе, не знает... Может, и не знает. А что, когда из премьеров обратно в президенты придёт, — узнает?

— Так-то оно так...

Брюханов соглашался то с одними, то с другими. Но всё-таки, считал он, суть не в том, что одних переселяли в нормальные квартиры, а других — в фанерки, которые сразу расползаться стали, третьи же до сих пор без жилья — не попали в списки, выпали из списков, не захотели подписывать ордера на то, что им предлагали. Да и не в том, что земли не дали: шесть соток под дачку — и те надо покупать... Не в этом...

Главное, что мучило: разве нет других, новых способов добывать электроэнергию, кроме как строить плотины, затапливать тысячи гектаров земли? Атомные станции ругают, но ведь они всё-таки разумней, чем вот это, то, что сделали у них. И их ГЭС не последняя, не доделка советского времени — собираются новую строить ниже по реке. И снова, значит, будут топить огромные территории, переселять людей, вырубать, жечь, бросать, судиться...

Но большинство не доискивается причин — большинство ругает следствие коренной ошибки. Или как это назвать? Как назвать уничтожение части страны? И если подсчитать, сколько затоплено, утоплено земли их каскадами ГЭС — Волжским каскадом, Енисейским, на Оби, на Каме, на Дону, — то ведь наверняка окажется, что в целом покрыта рукотворными морями очень даже немалая часть России. Одна пятидесятая, одна семидесятая... Да, права дочь: надо кушить компьютер, провестить интернет. Там, говорят, про всё написано...

Но даже если не так много проглотили эти водохранилища земли в километрах, то уж точно погублена лучшая земля. В их районе и в соседних

люди жили, в основном, в низинах вдоль рек, на островах были пахоты, на побережье сено косили, пасли скот. А сейчас глянешь — от истока до их плотины, на протяжении тысячи километров, почти не осталось природного берега. Все пашни, луга, покотины похоронены под водой. И теперь берегами стали склоны гор, топи и болота, гнилая тайга. А люди существуют в искусственных городах и посёлках вдали от то и дело меняющих свой уровень из-за сброса или набора воды запертых рек, на камнях или глине. И если в магазины не завезут в течение недели продуктов или на месяц задержат зарплату, начнётся голод. Запасы делать не из чего, да и хранить их негде.

Летом две тысячи девятого года, когда ещё деревни стояли почти целые, да и народ ещё оставался, по реке проплывали писатели. Среди них был и тот, что когда-то, во времена развитого социализма с его всесоюзными, всенародными ударными стройками, написал книгу о затоплении родных ему земель в этих же краях, на этой же реке. Там в семидесятые воздвигли электростанцию, и возникло водохранилище, поглотившее несколько деревень, заставившее жителей перебраться на новые, неудобные, неудобные места. Та ГЭС стала третьей в каскаде, их — четвёртая...

Алексей читал эту книгу школьником, и тогда горе её героев не очень задело его. Да и что может по-настоящему задеть человека лет в четырнадцать-пятнадцать? Наверное, лишь собственные переживания, личные... Наоборот, он слегка завидовал тем, кого переселяли: хотелось уехать из маленького, забытого Богом Пылёва.

Второй раз прочитал он ту книгу лет пять назад, когда переселение стало делом решённым. Читал и поражался: как после неё, так зримо показавшей ту уже давнюю теперь трагедию, такая же трагедия может повториться? И чем объяснить, что, с одной стороны, этому писателю именно за эту книгу продолжают давать государственные премии, называть его *нашей совестью*, а с другой — строить новую, точно такую же электростанцию, водохранилище которой вновь уничтожит ещё несколько деревень, а их жителей превратит из хозяев в унылых квартирантов?.. Вот президент благодарит писателя за его смелую правду, за нравственность и духовность, жмёт ему руку своей, той самой рукой, которой подписал документы, где прописано к такому-то сроку очистить деревни от людей, избы сжечь, лес вырубить, кладбища сровнять с землёй, и всё оставшееся затопить водой. И всё это для того только, чтобы вырабатывать электрический ток... Неужели нельзя было за тридцать с лишним лет изобрести что-нибудь, чтобы как-то по-другому его вырабатывать?

В школе учительница часто повторяла: “Литература учит. Учит, как надо, а как не надо, что хорошо, что плохо”.

Да, может, и учит, да толку-то... Внутри себя человек может быть сколько угодно и честным, и правильным, и справедливым, а обстоятельства постоянно заставляют его поступать против совести и убеждений. Хм, есть такая невесёлая шутка: “Трудно быть человеком — люди мешают”.

Писатели в тот раз целый день бродили по улицам, заходили во дворы, в избы, слушали людей, кивали, сочувственно вздыхали. Писатель, написавший книгу про свою затопленную родину, всё потирал глаза, кривил, как от боли, лицо. Молчал... Словно на место скорого природного бедствия они приехали, осматривали то, что должно быть вот-вот уничтожено каким-нибудь ураганом, цунами. Но ведь не природное бедствие надвигалось на деревню и на весь этот край, а рукотворное. Остановимое...

Если всем дружно заявить: “Нельзя!” — оно и не случится.

Но никто из писателей, сочувствуя, сострадав жителям деревень, предназначенных к затоплению, так и не сказал: “А давайте не уйдём! Остаемся. Не имеют они человеческого права гнать людей со своей родины”. Может, и глупо, и наверняка бесполезно, но чего-то такого большинство пылёвцев ждали. Убеждали писателей, что не хотят уезжать, не видят себя на другом месте. Даже желающие перебраться в город на людях выражались осторожно:

— Интересно бы, конечно, пожить благоустроенно, но жалко это всё... Ведь канет навечно.

Некоторые выкрикивали в отчаянии:

— На что нам кормиться?! Тут хоть картошки наростим, рыбы поймем, куриц держим... свиной. А там? Перемерём ведь с голоду-у!

Ирина Кайхер, социальный специалист, объясняла гостям, что это не просто эмоции:

— Тем, кто работал здесь в совхозе, выделены паи по двенадцать гектаров. У кого дом в частной собственности — жильё обещают предоставить в частную собственность... И это — всё. Ни земли не обещают, ни работы. А у большинства, да почти у всех, никаких сбережений — не из чего копить. Бросают людей, как в пропасть.

Писатели кивали, явно искренне разделяя боль будущих переселенцев, но отмалчивались. Не замечали или не хотели, боялись замечать ожидания местных, услышать от них сильные слова. Даже вопросы задавали скупо.

Лишь один раз, — по крайней мере, при Алексее, — старый писатель спросил о том, что могло бы взорвать людей:

— А если откажетесь выезжать?

— Да, мы этот вопрос поднимали, — сказала Ирина. — Нам ответили, что оценят на глаз избу, усадьбу, дадут на руки сколько там посчитают нужным — пятьдесят тысяч, семьдесят — и насильно посадят на паром, отвезут до города, а там дальше — как хочешь.

— Но ведь это незаконно! — возмутился другой писатель, полный, в очках.

— Да уж, наверное, незаконно. Надеемся, что до этого не дойдёт, но всё равно... Как люди жить будут, на что — не знаю...

— Оккупация! — плачущим голосом выкрикнул третий гость, с седой острой бородкой. — Пришёл враг! Будто при оккупационном режиме...

Старый писатель сморщил своё плоское чалдонское лицо, отозвался:

— Не в этом дело, Валя, не в этом... Если бы Россия была одна на этой земле, то можно было бы миновать. Но когда пошла такая гонка, что уж было делать? Пришлось соглашаться с этим со всем, и заваливать реки, пускать ракеты, поливать землю бетоном...

Вечером писатели сели в катер и отправились в Кутай, бывший райцентр, где ещё работала заежка.

Теперь, после вопроса дочки, почему не сопротивлялись, Алексей часто вспоминал о том писательском визите. И ведь, действительно, призови они, уважаемые, известные на всю страну люди не выезжать, остаться там — “Где тут у вас свободная избушка? Мы с вами!” — большая часть людей поддержала бы. Кто-то бы, конечно, уехал, но кто-то и остался бы. Только и ждали чего-то такого, какого-то подобного слова, поступка... И увидел бы тогда старый писатель, что не отступился народ. Поддержал бы и Кутай (а там тысячи три жило), и Сергушкино, и Проклово, и Усольцево, и Большаково...

Брюханов ярко, до мурашек, представлял себе это почти восстание и тут же хмыкал над собой, но от этих хмычков картинки становились только ярче и отчётливей, и даже как-то слаще... В детстве любил фантазировать, и вот на пятом десятке вернулся...

Порой он вполне серьёзно рассуждал: “Но хоть заяви они, что остаются в деревне, и там бы, наверху, перепугались. Такие люди, а готовы с народом... И ведь можно было если не спасти Пылёво, Кутай, то хоть бы участки под это выбить, условия получше... компенсаций добиться”.

— Тьфу! — отплевывался он: вместо сладости мечтаний, в которых он сам и остальные были героями, готовыми держаться на своей земле до последнего, становилось муторно, как только появлялись мысли-расчёты, обличавшие корысть.

Но корысть ли это — клочок земли под огород, под баньку, под сарай?.. Хоть было бы куда сунуться. В земле поковыряться, гвоздь в доску вбить.

“Долго мы здесь не протянем, взаперти, — слоняясь по квартире, думал Алексей. — Одуреем, перегрызёмся, разбежимся...”

И всё чаще выходил на лестницу, подолгу курил, сидя на бетонной ступеньке, подложив под зад один из прошлогодних дочкиных учебников.